

А.В. Тереховская

**Литературная полемика первой четверти XIX века в историко-литературной концепции Ю. Н. Тынянова:
к научным спорам об истории русского романтизма**

Проблема романтизма принадлежит к числу сложнейших. Неслучайно в последние десятилетия XX века заметно усилился интерес к самым разнообразным вопросам, которые были связаны с истоками и становлением романтического искусства.

Литературоведение XIX – нач. XX веков рассматривало литературный процесс в первой четверти XIX века преимущественно как борьбу «классиков» и «романтиков». Между тем, уже в 20-е годы XX века стало ясно, что такая трактовка не дает возможности адекватно воспринимать суть литературного движения в целом и литературной полемики того времени в частности. Е. Н. Купреянова справедливо заметила, что невозможно сводить все содержание литературной жизни первой четверти XIX века к борьбе романтизма с классицизмом, ибо романтизм «декабристского толка», по мнению исследовательницы, «не только боролся с классицизмом, но и во многом с ним блокировался как с искусством, точнее – стилем высокого, общественного, патриотического звучания. В этом смысле, т.е. прежде всего по стилистической фактуре своего творчества, Катенин, Кюхельбекер, Рылеев, Грибоедов были столько же романтиками, как и классиками» [5; 107]. Нельзя не заметить, впрочем, что в данном случае следовало бы говорить не только о «стилистической фактуре» или жанровых предпочтениях, но об общеэстетической позиции литераторов-декабристов, которые стремились использовать традиции классицизма в соответствии со своими целями и задачами, что убедительно показал Ю. Н. Тынянов в своих известных работах, объединенных в сборнике «Архаисты и новаторы» (1929).

Сборник статей Тынянова «Архаисты и новаторы» во многих отношениях был подлинно новаторской работой. Б. М. Эйхенбаум писал: «Можно без преувеличений сказать, эффект был потрясающий. От старых схем ничего не осталось – вся литературная эпоха Пушкина приобрела новое содержание, новый вид, новый смысл. Рядом с Пушкиным появились фигуры поэтов, о которых в старых работах не было и речи, – как Катенин и Кюхельбекер. Глазам читателя предстал реальный, насыщенный фактами процесс литературной борьбы во всей его исторической конкретности, сложности, живости... Русская литературная наука должна признать эту работу пограничной: ею начат новый период, результаты которого еще скажутся в будущем» [14; 75].

Тынянов решительно выступал против привычных и как бы узаконенных схем, которые передавались по инерции и отзвуки которых можно было ощутить в работах первой половины XX в. По убеждению ученого, исследованиям мешала «разноголосица и неоднозначность терминов», в результате чего к числу романтиков относили «Шиллера, Гете и даже Лессинга. Поэтому и большинство попыток определить романтизм и классицизм было не суждением о реальных направлениях литературы, а стремлением подвести под эти понятия никак не укладывающиеся в них многообразные явления» [12; 23-24]. В этих словах как бы запрограммирована главная цель исследователя, который стремился рассмотреть, как «сквозь деление на классиков и романтиков пробивалось другое». Что именно? Тынянов четко отвечает на этот вопрос: к середине 20-х годов XIX века «битвы классиков и романтиков были оттеснены на задний план битвами «славян», борьбой «архаистов» [12; 24, 51]. Таким образом, взамен конфликта романтизма и классицизма Ю. Н. Тынянов на первый план выдвигал различие архаистического (в данном случае младоархаистического) и карамзинистского (в данном случае младокарамзинистского) течений...» [12; 53].

Привычное восприятие литературной борьбы в первой четверти XIX в. было четко охарактеризовано Л. Я. Гинзбург: «Русская литература 1810-1820-х годов традиционно рассматривалась под знаком борьбы классицизма и романтизма. Причем и в современных и в позднейших высказываниях по этому поводу господствовала чрезвычайная путаница и чересполосица. Шишковская «Беседа» считалась, например, оплотом классицизма, хотя именно карамзинисты были «классиками» по своим позициям в русской литературе 1810-х годов, куда они внесли дух систематизации и организованности, нормы «хорошего вкуса» и логическую дисциплину. Для литературных староверов, однако, все последователи Карамзина – злостные романтики; но романтики для них точно так же и те молодые поэты, которые стремились в двадцатых годах возродить торжественную оду XVIII века.

Заново посмотреть на литературные отношения декабристской поры, увидеть реальные факты, увязшие в противоречивой терминологии – вот задача, стоявшая перед Тыняновым. В порядке полемической крайности он при этом считал, что может вообще обойтись без понятий классицизм – романтизм» [11; 103].

Скорее всего это было вызвано все же не столько «полемическими крайностями», как считала Л. Я. Гинзбург, а сознательным стремлением Ю. Н. Тынянова по возможности избегать таких литературных категорий, которые, с его точки зрения, не обладали должной четкостью и определенностью. Достаточно сослаться на мнение Владимира Набокова, который был не только замечательным писателем, но и взыскательным литературоведом. Он писал о вреде литературоведческих классификаций, о «расплывчивости» таких терминов, как «классицизм», «сентиментализм», «романтизм» и т.п.: «Вредность всех этих терминов, – утверждал Набоков, – в том-то и состоит,

что они отвлекают исследователя от сопровождаемого истинным наслаждением соприкосновения с сущностью индивидуальных художественных открытий (а только они в конечном счете значимы и непреходящи)» [9; 454]. Разумеется, легко можно заметить, что Набоков по существу отрицает наличие каких бы то ни было закономерностей в историко-литературном процессе, сводя все только к индивидуальным художественным открытиям. Однако само по себе скептическое отношение писателя к приевшимся литературоведческим дефинициям весьма характерно.

Следует заметить, что и в современном литературоведении можно встретить утверждения, что история понятия «романтизм» – «одна из самых запутанных. Понятие это функционирует как внеисторическое и крайне размытое» [4; 27]. В процитированных словах С. И. Кормилова явно ощущается отзвук идей Ю. Н. Тынянова, который еще в 20-е годы XX века стремился на место неопределенных и не обладающих терминологической и исторической точностью терминов ввести в литературоведческий обиход другие понятия, имеющие научный статус, т.е. соотносящиеся с тем или иным явлением в литературной действительности. Так возникла концепция «архаистов и новаторов». Однако в своем исследовании Ю. Н. Тынянов, разумеется, не мог отказаться от использования термина «романтизм», за которым все же сохраняется определенное понятийное содержание. И в современной науке о литературе термин «романтизм» продолжает восприниматься как вполне продуктивный, несмотря на действительную его «размытость» и «внеисторичность». Значение работ Ю. Н. Тынянова как раз и заключается в том, что он на конкретном историко-литературном материале стремился показать необходимость тщательно исследовать реальную картину литературного развития, не заслоненную привычной терминологией, которая требует крайне осторожного к себе отношения, ибо в случае бездумного ее использования она может привести к вольному или невольному искажению подлинной, реальной истории литературы со всей ее сложностью и противоречивостью.

Можно считать установленным, что в своих представлениях о литературном процессе и литературной полемике 20-х годов XIX века Ю. Н. Тынянов опирался на точку зрения Кюхельбекера, который констатировал, что в литературном процессе 20-х годов XIX века происходит «явная война романтиков и классиков, равно образовавшихся в школе Карамзина» [6; 498]. В высшей степени примечательно, что эту «явную войну» Кюхельбекер усматривал внутри школы Карамзина. Аналогичную «войну» Кюхельбекер определил и в лагере «славян». В литературном календаре «Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области российской словесности»¹ Кюхельбекер отметил: «Германо-россы и русские

---

¹ А. Гласе выдвинул гипотезу, что статья «Минувшего 1824 года военные, ученые и политические достопримечательные события в области российской словесности» являлась планом критического журнала «Комета», который в 1824 году собирались издавать В. К. Кюхельбекер и В. Ф. Одоевский. Издатели

французы прекращают свои междуусобия, чтоб <не> соединиться им против славян, равно имеющих своих классиков и романтиков! Шишков и Шихматов могут быть причислены к первым; Катенин, Грибоедов, Шаховской и Кюхельбекер – ко вторым»² [6; 500]. Таким образом, противоборствующие силы, по Кюхельбекеру, – это «карамзинисты» и «славяне». Что же касается классиков и романтиков, то они были в каждой из этих группировок. Именно эти соображения Кюхельбекера, очевидно, и были положены в основу историко-литературной концепции Ю. Н. Тынянова. Таким образом, ученый, отвергая традиционное понимание литературной борьбы этого времени как спор классиков и романтиков, опирался на дефиниции самого Кюхельбекера, в соответствии с которыми было выделено наличие внутри «славян» не только классиков, но и романтиков. Романтики-славяне и стали называться в теории Ю. Н. Тынянова «младоархаистами».

Разумеется, представить эпоху начала 20-х годов XIX века как спор «славян» с «карамзинистами» (даже несмотря на убедительные аргументы Кюхельбекера и вслед за ним Ю. Н. Тынянова), было бы несправедливо. Между тем концепция Ю. Н. Тынянова позволяет четко увидеть, что в начале 20-х годов XIX века литературные споры в области «классицизм – романтизм» были уже неактуальными и перешли в область «романтизма». Ю. Н. Тынянов выявил, что в это время уже романтизм однозначно определял ведущие тенденции литературного развития, и уже под знаменем романтизма формировались новые литературные фракции и группировки.

В лагере романтиков Ю. Н. Тынянов выделял две группы. Представители одной из них принимали достижения Карамзина и Жуковского, решительно отходили от классицистических догм, смело шли на жанровые и стилистические поиски, учитывая достижения западноевропейской эстетики – труды Августа и Фридриха Шлегелей, Гердера, де Сталь, Сисмонди (Вяземский, Жуковский, Батюшков, Сомов, Бестужев). К этой группе примыкал и Пушкин, занимавший, впрочем, особую позицию по ряду вопросов. Другая группа обнаруживала большую склонность к архаическим вкусам. Критически относясь к «новой элегической школе» Жуковского, они в классицизме видели некий ориентир, важный для создания гражданского искусства. Именно поэтому они особенно ценили высокие жанры (оду, трагедию, эпопею),

---

предполагали, что журнал будет представлен двумя отделениями; «1-ое будет состоять из разборов сочинений, ответов на оные разборы и вообще из спорных статей. 2-ое под названием Смеси будет заключать в себе все, что не могло войти в состав первого; как то краткие повести, анекдоты, выписки, замечания и мелкие стихотворения» [7; 284]. А. Глассе считает, что идея «Кометы» могла быть вполне характерной для «непрактичного идеалиста Кюхельбекера», и вполне могла быть «с энтузиазмом поддержана его молодым другом» [7; 285].

² В современном авторитетном издании в приведенной фразе Кюхельбекера отрицательная частица «не», имеющаяся в тексте, воспринимается как описка автора и поэтому заключена в угловые скобки. Полагаем такое текстологическое решение справедливым. При отрицательной частице текст лишается смысла: получается, что сторонники немецкой и французской ориентации в литературном движении «прекращают свои междуусобия, чтобы не соединиться им против славян...» – и т. д. Никакой логики здесь нет. Поэтому мы принимаем гипотетическое прочтение, которое явно соответствует логике авторской мысли.

использовали для создания высокого стиля старославянский язык, пропагандировали народность как основной принцип создания самобытной национальной литературы (Катенин, Кюхельбекер, Грибоедов, отчасти Рылеев).

А. Л. Гришунин и А. П. Чудаков в связи с этим напомнили о мнении К. А. Полевого, который в 1833 году, очевидно, тоже учитывая взгляды В. К. Кюхельбекера, писал, что в начале XIX столетия «существовали у нас в литературе две главные партии или школы: карамзинистов и славянофилов... Мало-помалу место их заняли две новые, происшедшие от них, измененные временем партии». К новым славянофилам К. А. Полевой относит Грибоедова, Жандра, Кюхельбекера, Катенина («младшие архаисты» по Тынянову). В комментариях к сборнику «Пушкин и его современники» А. Л. Гришунин и А. П. Чудаков отметили, что «с выделением такой группировки был согласен и Катенин» [12; 385]. Заметим, что это мнение вызвало определенные возражения, поэтому мы к нему еще обратимся.

Показательно, что в итоговой работе, посвященной истории изучения жизни и творчества Пушкина, было подвергнуто сомнению отнесение Тыняновым Кюхельбекера к «младшим архаистам» [13; 193, 195], то есть оспаривалась, как отмечают А. Л. Гришунин и А. П. Чудаков, самая суть всей тыняновской работы [12; 384].

Действительно, в последние десятилетия общая картина литературной эволюции, предложенная Ю. Н. Тыняновым, вызывает повышенный интерес; предпринимаются попытки не только ее пересмотреть, но даже опровергнуть. Показательной в этом отношении является статья А. В. Архиповой «Из литературной полемики 1820-х годов (В. Кюхельбекер, «архаисты» и «новаторы»)» [1]. Ниже будет сказано о том, что на теории Ю. Н. Тынянова лежал отпечаток времени, когда она создавалась (20-е годы XX века). Можно сказать, что основной пафос статьи А. В. Архиповой также предопределен своей эпохой. Отстаивая принципы марксистского литературоведения, автор утверждает, что, хотя «формализм у нас давно разоблачен как метод, но формалистические концепции продолжают жить...» [1; 42]. Отсюда возникает задача опровергнуть соображения Ю. Н. Тынянова об «архаистах» и «новаторах» как типичное порождение формализма. Для этого используются и не совсем корректные аргументы, граничащие с прямым нарушением фактов. Так, например, утверждается, что, по мнению Ю. Н. Тынянова, к числу «карамзинистов», для которых было характерно обращение к камерным, интимным жанрам, к легкой поэзии, относятся В. А. Жуковский, К. Н. Батюшков, П. А. Вяземский и другие (выделено нами. – А. Т.) «арзамасцы», к числу которых автор причисляет Пушкина, Дельвига, Баратынского, Языкова, А. Бестужева и даже «отчасти» Рылеева [1; 42-43]. Легко заметить, насколько неточными оказываются эти сведения. Так, К. Ф. Рылеев членом «Арзамаса» никогда не был. Более того, ему была свойственна приверженность к высоким поэтическим традициям, а в классицизме он видел хорошую школу для создания своей гражданской поэзии. И в этом он был близок к Катенину,

Кюхельбекеру, Грибоедову, которые ценили высокие жанры: оду, трагедию, эпопею, торжественные обороты старославянского языка, трактуя народность литературы в духе национального своеобразия. Не случайно в историю русской литературы К. Ф. Рылеев вошел в первую очередь как сочинитель дум, а не легкой салонной поэзии.

А. В. Архипова во что бы то ни стало стремится доказать, что какой-то особой группы «архаистов» и тем более «младоархаистов», к которой мог принадлежать В. К. Кюхельбекер, и которые занимали особое место в кругу других романтиков-декабристов, не было. По ее мнению, Ю. Н. Тынянов, слишком увлекся формальными вопросами литературного творчества, и «принял второстепенное явление за главное» [1; 43]. Исследовательница убеждена, что проблемы языка, жанра имели, конечно, огромное значение, но возникали не сами по себе, а только в связи с вопросами содержания, тем, целей и назначения литературы. Поэтому всех декабристов-романтиков (Бестужева, Рылеева, Кюхельбекера) А. В. Архипова рассматривает как единое целое, утверждая, что основной целью их литературного творчества была борьба за народную, идейную, гражданственную литературу. Исходя из логики ее рассуждений, получается, что, собственно, и декабристской критики как отдельного явления не существовало, а было «прогрессивное направление русского романтизма», современная Кюхельбекеру «передовая литература», в духе которой творили и романтики-декабристы. Нивелируя Кюхельбекера в кругу единомышленников, А. В. Архипова утверждает, что все его литературно-критические выступления находятся в духе «передового литературного течения», к которому в обязательном порядке примыкают и все другие романтики-декабристы [1; 50]. Отсюда логичным оказывается ее вывод о том, что «никакой литературной группировки «архаистов» не существовало, а самый термин «архаисты» следует снять, так как он не выражает сущности явления» [1; 58].

Показательно все же, что невзирая на столь решительный вывод, в заключительном абзаце А. В. Архипова так и не избежала столь нелюбимого ею термина: «Борьба шла за литературу гражданскую, народную, литературу, имеющую широкого читателя, против зачатков будущего «искусства для искусства». И борьбу эту вели как «карамзинисты» (Бестужев, Рылеев, Вяземский в тот период), так и «архаисты» (Грибоедов, Катенин, Кюхельбекер)» [1; 59]. Это является еще одним доказательством того, что не только сам по себе термин, но и явление, которое он обозначает, действительно существовало.

Однако мнение Ю. Н. Тынянова оспаривается и С. А. Фомичевым, который считает «младоархаистов» понятием «призрачным» [15; 14]. В доказательство своей версии исследователь ссылается на возражения П. А. Катенина в упомянутом уже письме К. А. Полевому. Катенин писал: «Были, говорите вы, две школы: карамзинисты и славянофилы; одни ахали и готовы были «мутным потоком затопить богатые нивы русского слова»; другие хотели

«для прошедшего мертвого оставить настоящее живое»; время уничтожило и тех и других. Место их заняли: с одной стороны, «поклонники Карамзина», к коим позвольте прибавить на случай войны всех называющих себя романтиками и всех журналистов; кто же с другой стороны? Нет никого, ибо вы шутите, называя партией трех человек и меня четвертого. Но где и те? где Грибоедов? где автор «Ижорского»? Г-н Жандр всегда писал мало и давно замолк: остаюсь я один» [3; 202]. Очевидно, что Катенин решительно не согласен с мнением Полевого. Непонятно, на каком основании А. Л. Гришунин и А. П. Чудаков приходят к выводу, что Катенин поддерживал выделение группировки «славянофилов». А. Л. Гришунин и А. П. Чудаков используют это письмо как аргумент, подтверждающий концепцию Ю. Н. Тынянова, тогда как оно определенно идет вразрез с ней. На это справедливо указывает С. А. Фомичев.

Впрочем, С. А. Фомичеву возражает В. П. Мещеряков, отмечая, что в процитированном письме «Катенин говорит не столько о первой половине 1820-х гг., сколько о настоящем времени, т.е. о 1830 г. Да и само по себе только одно его мнение еще не решает вопроса» [8; 59]. В. П. Мещеряков убежден, что нет достаточных оснований для тех решительных выводов, которые делает С. А. Фомичев, считавший, что «младоархаистов», как особой литературной группировки, вовсе не было. В. П. Мещеряков не возражает, что «...“младоархаистская” фракция, возникшая вокруг Катенина и Грибоедова, была немногочисленной и просуществовала недолго. Да и как могло быть иначе? Удален был из столицы Катенин, сослан Кюхельбекер, жил вдали от Петербурга Грибоедов, почти не выступал в печати Жандр...» [8; 59]. Однако в целом Мещеряков все же принимает концепцию Ю. Н. Тынянова, и считает невозможным рассматривать литературный процесс 1820-х годов без научного открытия Ю. Н. Тынянова.

Несомненно, историко-литературная концепция Ю. Н. Тынянова не может быть проигнорированной. Не случайно суждения ученого об «архаистах» и «новаторах» продолжают вызывать повышенный интерес и в самое последнее время. Разумеется, наука не стоит на месте, и современные исследователи предлагают новые подходы к той проблеме, которую Ю. Н. Тынянов поставил несколько десятилетий назад. Так, В. Э. Вацуро, констатируя, что «позиции Карамзина и Шишкова были лишь наиболее оформленным выражением противоположных общественно-литературных тенденций», совершенно справедливо подчеркивал, что «... между этими двумя полюсами располагались многочисленные «промежуточные» явления». [2; 296]. Эту позицию поддержал О. Проскурин, который заметил, что «Вацуро, по сути, указывает здесь не на один, а на два недостатка тыняновской концепции: первый – схематизм и редукционизм; второй (отмеченный в скобках как бы мимоходом, но, пожалуй еще более существенный) – статичность в осмыслении одного из компонентов эволюционной модели» [10; 64].

По мнению О. Проскурина, теория Ю. Н. Тынянова была порождена литературной эпохой 20-х годов XX в., взглядами формалистов, которые стремились теоретически обосновать футуризм и вообще новое, авангардистское искусство. «Литературная ситуация прошлого и вообще модель «литературной эволюции» поневоле осмысливались формалистами с точки зрения интересов настоящего... Связь с авангардизмом предопределила и имплицитированные в модель литературной эволюции эстетические предпочтения. Подлинными героями литературной жизни первой четверти XIX в., подлинными «литературными революционерами» закономерно оказывались «младоархаисты» – согласно Тынянову, не только осуществившие «смещение» системы младшего карамзинизма, но и перенаправившие литературное движение Пушкина (который, по Тынянову, разошелся с ними только «в вопросе о воскрешении высокой лирической поэзии») [10; 68]. По модели Тынянова, «прекрасен не только сам процесс созидания революционного искусства – прекрасен процесс уничтожения старого. Вне контекста революционной эпохи весь пафос формалистической теории, в том числе и теории литературной эволюции, не вполне понятен» [10; 68].

На наш взгляд, соображения О. Проскурина относительно истоков теории Ю. Н. Тынянова достаточно убедительны. Однако это не снимает вопроса о том принципиальном литературоведческом открытии, которое совершил Ю. Н. Тынянов.

Разумеется, можно говорить о схематизме концепции Ю. Н. Тынянова, статичности его модели, наличии многочисленных «промежуточных» явлений, которые не всегда им учитываются. Все это в определенной степени справедливо (достаточно вспомнить, к примеру, Рылеева). И все же объективность требует признать, что в развитии русской литературы и русской литературной критики в начале XIX в. существовала особая группа литераторов, которую Ю. Н. Тынянов назвал «младоархаистами». Они не были организационно объединены, но для них характерным было сходство взглядов на насущные проблемы литературного развития, что и предопределило их особую позицию в литературной полемике своего времени.

Литература:

1. Архипова А. В. Из литературной полемики 1820-х годов (В. Кюхельбекер, «архаисты» и «новаторы») // Русская литература. – 1960. – № 3. – С. 42-59.
2. Вацуру В. Э. Литературное движение начала века. Карамзин. Жуковский. Батюшков // История всемирной литературы – М.: Наука, 1989. – Т. 6. – С. 292-305.
3. Катенин П. А. Размышления и разборы – М.: Искусство, 1981. – 374 с.
4. Кормилов С.И. Нерешенные проблемы современного литературоведения // Вестник Московского ун-та: Серия 9. – Филология. – 2001. – № 6. – С. 21- 35.
5. Купряева Е. Н. Французская революция 1789-1794 годов и борьба

- направлений в русской литературе первой четверти XIX века // Русская литература – 1978. – № 2. – С. 87-107.
6. Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. М.: Наука. – 1979. – 790 с. (Серия Литературные памятники)
  7. Литературное наследие декабристов. – Л., 1975. – 400 с.
  8. Мещеряков В. П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие. – Л.: Наука, 1983. – 266 с.
  9. Набоков В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». – СПб.: Искусство СПб, 1998. – 925 с.
  10. Проскурин О. Две модели литературной эволюции: Ю. Н. Тынянов и В. Э. Вацура // Новое литературное обозрение – 2000. – № 42. – С. 63-77.
  11. Пушкин и его время. – М.: Терра, 1997. – 464 с.
  12. Пушкин и его современники: Сб. статей. – Псков, 1970. – 211 с.
  13. Пушкин. Итоги и проблемы изучения. – М.-Л.: Наука, 1966. – 664 с.
  14. Тыняновский сборник. – Рига, 1984. – 484 с.
  15. Фомичев С. А. Автор «Горя от ума» и читатели комедии. – // А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. – Л., 1977. – 233 с.

А н о т а ц і я

В статті йдеться про особливості російського романтизму на стадії його утвердження. Аналізується «младоархаїстична» концепція Ю. М. Тинянова щодо літературних полемік з приводу романтизму. Розглядаються також літературознавчі спори, які були викликані цією концепцією. Доводиться позиція щодо актуальності концепції Ю. М. Тинянова в сучасному літературознавстві.

Ключові слова: російський романтизм, «младоархаїстична» концепція, літературні полеміки, літературознавчі спори.

А н н о т а ц и я

В статье речь идет об особенностях русского романтизма на стадии его утверждения. Анализируется «младоархаистическая» концепция Ю. Н. Тынянова о литературных полемиках по поводу романтизма. Рассматриваются также литературоведческие споры, которые были вызваны этой концепцией. Утверждается мнение, что концепция Ю. Н. Тынянова и в современной литературоведческой науке остается актуальной.

Ключевые слова: русский романтизм, «младоархаистическая» концепция, литературные полеміки, литературоведческие споры.

S u m m a r y

The article deals with the peculiarities of Russian romanticism at the stage of its consolidation. Yu. M. Tynianov's "mladoarkhaistycheskaya" conception concerning literary polemics about romanticism is analyzed. Literary criticism controversies caused by this conception are examined. The position as regards topicality of Yu. M. Tynianov's conception in modern literary criticism is proved.

Key words: Russian romanticism, “mladoarkhaistycheskaya” conception, literary polemics, literary criticism.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати кандидатом филологических наук, доцентом кафедры мировой литературы Прикарпатского национального университета им. Василя Стефаника Коршуновой С. И.